

Дж. Пендлбери

Археология Крита

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
Д40

Д40 **Дж. Пендлбери**
Археология Крита / Дж. Пендлбери – М.: Книга по Требованию, 2021. – 474 с.

ISBN 978-5-458-24618-7

Джон Пендлбери (1904 1941), английский археолог, ученик и продолжатель исследований А. Эванса в Кносе на острове Крит. Первоначально изучал египетскую археологию, в частности памятники Тель-эль-Амарны (1928 29; в 1930 36 руководил раскопками), а позднее исследовал древнекритские памятники. В 1929 г. Пендлбери посчастливилось: Артур Эванс назначил его куратором на работах в Кноссе. К тому же, жил он совсем рядом с участком работ, в так называемой Таверне здания, специально оборудованном для проживания семейных пар, а также месте сборов и активной общественной жизни археологов. Даже когда Пендлбери был начальником экспедиции в Тель-эль-Амарне с 1930 по 1936 годы, он оставался куратором в Кноссе до 1934 года. В 1936 году он перебрался в Дикти, на востоке Крита и занимался там исследованиями до начала Второй мировой войны. 22 мая 1941 г. Джон Пендлбери был расстрелян немецкими солдатами. Труд Пендлбери представляет собой обзор культуры Крита с древнейших времен до установления на острове господства Рима включительно. Однако основное внимание автор сосредотачивает на минойской культуре.

ISBN 978-5-458-24618-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

на Северо-Черноморском побережье в период позднего Триполья, так и в Маллии. Статуэтки женщин в широких юбках, найденные около Одессы — в Усатове и в Молдавии, изделия из меди, двойные бронзовые секиры и ряд характерных черт в формах предметов этой стадии развития Трипольской культуры также неопровержимо доказывают наличие связей с югом и, в частности, с Критом.

Накопив огромный и притом весьма ценный материал, буржуазные ученые в силу присущей им методологической и методической ограниченности не только не смогли с ним справиться, но в иных случаях даже запутали то, что, казалось, сомнений не вызывало. В первую очередь это следует сказать о терминологии. До сих пор не установлено единого названия для Критской культуры. Ее именуют и «критской», и «крито-микенской», и «минойской», и «эгейской». Это, естественно, порождает недоразумения. Да и содержание, которое вкладывается в указанные термины, нередко оказывается произвольным. Археологи буржуазных стран опубликовали многочисленные отчеты, посвященные раскопкам на Крите, но обобщения и исследования, предлагаемые буржуазными учеными на основании этого материала, совершенно неприемлемы. Они только способны сбить читателя с верного пути своей тенденциозностью и односторонностью. Большинство работ посвящено публикациям отдельных памятников или отдельным категориям вещей, например керамике, печатям или статуэткам, причем основное внимание уделено их формальному анализу. Издания эти ограничиваются, как правило, более или менее поверхностными описаниями. Проблемы исторические, экономические и социальные остаются обычно вне поля зрения этих исследователей. Так называемые «сводные» работы, претендующие на разрешение указанных проблем, представляя собой, по существу, механическое сочетание подобных вещеведческих публикаций, оформленных в виде глав, посвященных отдельным типам памятников материальной культуры или искусства. Типичным примером тому может служить и содержащий огромный фактический материал четырехтомный труд самого Артура Эванса «Дворец Миноса». При этом изучение памятников превращается в самоцель, а самое изучение ведется при полной «свободе» их истолкования.

Последнее обстоятельство приводит к тому, что на основании одних и тех же материалов различные исследователи в зависимости от своих политических симпатий и антипатий усматривают в общественном строе Крита то наследственную монархию типа французской абсолютной монархии XVII—XVIII вв., то феодальный строй наподобие европейского средневековья, то демократию, процветающую при «доисторическом социализме» (Моссо). В конечном итоге дело доходит

порой до настоящих анекдотов. По мнению только что упомянутого французского ученого Моссо, каменные скамьи во дворцах Кносса и Феста служат доказательством того, что «народ с легкостью мог проникать во дворцы князей», а его соотечественник Глотц усматривает в тех же скамьях место сановников, составлявших придворный штат царя и пользовавшихся правом свободного доступа во дворец. Таким образом, оба ученых нарушают основные правила исторического исследования — вырывают вещи из их окружения, рассматривают их вне всякой связи с другими источниками и, вместо того чтобы заставить говорить вещи, сами говорят за них и притом с точки зрения своих собственных политических интересов.

Естественно, что других исследователей подобные противоречия приводят к крайнему скепсису и они вообще отказываются от каких бы то ни было выводов, полностью отрицая возможность сделать таковые. «До сегодняшнего дня,— замечает, например, один из греческих археологов,— мы ничего не знаем относительно политического устройства минойского Крита, военной организации минойских племен и внешних сношений»¹.

Предлагаемая советскому читателю книга английского археолога Пендлбери «Археология Крита» представляет собой результат многолетней работы и опыта ученого, хорошо знакомого с материалом Эгейской и Египетской культуры. Ценность работы Пендлбери в том, что она содержит в удобообозреваемой и сжатой форме большой фактический материал, будучи в то же время гораздо менее тенденциозной, чем многие другие общие труды по Криту. Таким образом, эта книга весьма полезна как справочник для каждого, кто интересуется историей и культурой Крита.

Труд Пендлбери представляет собой обзор культуры Крита с древнейших времен до установления на острове господства Рима включительно. Однако основное внимание автор сосредотачивает на минойской культуре. Изложение ведется в исторической последовательности, по основным хронологическим периодам. Пендлбери подчеркивает свое несогласие с построением известного труда Глотца «Эгейская культура», где в отдельности прослеживается развитие архитектуры, керамики и т. д. без учета их взаимосвязей и взаимодействия культурно-исторических явлений. По справедливому замечанию автора, подобная система затрудняет уяснение и понимание особенностей каждого периода в развитии Крита, ибо она приводит к рассмотрению отдельных вещей на основании одних лишь формальных признаков. Правда, сам Пендлбери

¹ Б. Л. Богаевский, Современное состояние изучения «эгейской культуры» на Западе и в Америке и наши исследовательские задачи, Известия ГАИМК, вып. 101, Ленинград, 1934, стр. 39.

тоже ограничивается описанием изменений внешних особенностей отдельных категорий предметов — керамики, изделий из металла и т. д., а также памятников архитектуры и искусства, предоставляя читателю в большинстве случаев догадываться самому, почему именно имели место эти изменения.

Так как «Археология Крита» посвящена преимущественно вещественным памятникам, то проблемы религии и языка излагаются более кратко и выделены в особую главу; так же мало места уделено и критскому письму. Правда, книга написана до появления работ чешского ученого Б. Грозного, наметившего, повидимому, правильный путь для разрешения загадки критских письмен.

В разделе, трактующем о послеминойском периоде, автор, по собственному признанию, опирается на выводы ряда специальных работ, которые он пытается подытожить; так как затем остров входит в круг общегреческой культуры, то в последующем изложении автор лишь вкратце отмечает особенности, присущие с этого времени Критской культуре.

В отношении хронологии Пендлбери придерживается чаще более распространенной схемы А. Эванса, полагая, что всякого рода попытки ее коренного пересмотра или замены другими при современном уровне знаний преждевременны. Он лишь уточняет эту схему в деталях, основываясь на находках преимущественно египетских памятников. Последние открытия в клинописных архивах Двуречья, заставившие пересмотреть хронологию III и начала II тысячелетия, естественно, не могли быть известны Пендлбери, так как первые известия о них появились всего за год до его смерти. Требуется еще кропотливая работа, чтобы точнее увязать эти открытия с хронологией Крита; первые серьезные попытки в разрешении этой проблемы принадлежат советским исследователям.

До того времени, когда будут окончательно дешифрованы критские письмены, мы лишены возможности пользоваться местными документами; поэтому хронология IV—II тысячелетий до н. э. на Крите восстанавливается главным образом с помощью египетских предметов, найденных на Крите, и критских изделий, в первую очередь керамики, обнаруженных в долине Нила и в Северной Сирии. При этом приходится считаться с тем, что хронология самого Египта для IV и начала III тысячелетия до н. э. до сих пор далеко еще не установлена точно. Поэтому абсолютные даты, принятые в литературе, более или менее условны. Это обстоятельство затрудняет определение начала древнеминойского периода. Среднеминойский период мы можем датировать более определенно: на основании египетских предметов эпохи XII—XIII династий, найденных во время раскопок на Крите, и критской керамики

стиля камарес, найденной в Египте — в Абидосе и Кахуне, этот период датируется 1800—1530 гг. до н. э. К сожалению, сведения об эпохе XIII династии крайне скудны, так как ее фараоны правили в период ослабления и начавшегося распада страны. Тем не менее на основании исследования фрагментов труда египетского жреца-историка Манефона, современника первых Птолемеев, мы считаем возможным с достаточной уверенностью отнести ее к 1787 — ок. 1750 гг. до н. э.¹ Правда, нельзя с полной определенностью утверждать, что египетские предметы, ввезенные некогда на Крит, например обломки статуэтки из жировика, открытые в слое среднеминойском II б, принадлежат ко времени правления фараонов только что названной династии. Кроме того, как известно, II среднеминойский слой как самостоятельное целое отмечается только в самом Кноссе. В других поселениях острова среднеминойский I период переходит в среднеминойский III почти без каких бы то ни было существенных промежуточных изменений.

Наряду с сообщениями Манефона датировать среднеминойский период помогает и находка в Платаносе (Крит) цилиндрической печати из Вавилона, которую специалисты относят ко времени правления Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.).

Естественно, что некоторые изменения в хронологии Крита, так же как и смежных с ним островов Эгейского моря, Балканского полуострова и Малой Азии, заставляют внести соответствующие изменения и в хронологию отдельных этапов Трипольской культуры. Однако уточнения эти потребуют, повторим, тщательного и всестороннего пересмотра материала и детального его анализа.

Пендлбери здраво смотрит на археологию, как на вспомогательную историческую дисциплину, а не как на самоцель, что нередко бывает у буржуазных ученых, видящих конечную цель исследования в вещеведении и коллекционировании фактов и отрывающих археологию от истории. В то же время, будучи далеким от подлинного научного метода — метода диалектического и исторического материализма, он не в состоянии воспользоваться теми возможностями, которые предоставляет археология в совокупности с близкими ей дисциплинами ученым, вооруженным марксистско-ленинским мировоззрением, превращающим археологию именно в точную науку. Отсюда скептицизм Пендлбери по отношению к археологии, отсюда ограниченность выводов, которые он в состоянии сделать, отсюда порочность и неприемлемость некоторых определений, отсюда, наконец, и ряд ошибок. О важнейших из них

¹ В. В. Струве, Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового Царства, Вестник древней истории, 1946, № 4, стр. 10.

необходимо предупредить читателя, потому что Пендлбери в большей или меньшей степени свойственны пороки, присущие всей современной буржуазной историографии.

При объяснении причин тех или иных изменений как в области общественных отношений, так и в области идеологии, Пендлбери стремится обойти социальные факторы. Так, разрыв между средним и поздним бронзовым веком на Крите он объясняет землетрясением. В разделе, посвященном вопросу о «падении могущества минойцев», автор, отрицая возможность гибели критского общества вследствие одних только стихийных бедствий, как это предполагают другие буржуазные специалисты, пытается объяснить это событие политическими причинами, причем высказывает два предположения. Согласно первому, в конце позднеминойского II периода Крит подпал под власть материковой Греции, что доказывается распространением так называемого «дворцового стиля». Критские города были разрушены в результате «национального» восстания против иноземных «наместников». Согласно другому предположению, по мнению Пендлбери, более вероятному, причина катастрофы, постигшей остров, заключалась в недовольстве материковой Греции критским господством и захватом торговых путей Критом, что в конце концов привело к войне, закончившейся поражением островитян. Таким образом, автор объясняет очень сложные исторические процессы чисто внешними причинами.

Не приходится отрицать большого значения искусства Крита в развитии искусства средиземноморских народов, и в особенности Греции; однако Пендлбери склонен значительно преувеличивать это значение в ущерб искусству других стран и народов. Конечно, знаменитая фигура прыгуна, сделанная из слоновой кости, превосходна и может быть причислена к лучшим произведениям мелкой пластики древности, но все же это не «высшее достижение в области миниатюрной скульптуры древнего мира, включая даже Египет» (стр. 236). Также преувеличивается влияние искусства Крита на искусство Египта. Искусство времени Телль-Эль-Амарны самобытно и объяснять его исключительно воздействием критских мастеров, приглашенных ко двору фараона и произведших там «революцию», нельзя. Реалистические тенденции, наблюдаемые в египетской скульптуре и живописи этого периода, имеют глубокие местные корни.

Пендлбери чрезмерно выпячивает роль британских ученых в историческом и географическом изучении Крита. О работах представителей науки других стран почти ничего не говорится. О причинах повышенного интереса англичан к Криту Пендлбери, естественно, умалчивает, хотя, конечно, этот «секрет полишинеля» легко разгадать, ибо «владычицу морей», претендующую на господство в Средиземноморье, Крит при-

тягивает прежде всего в качестве важного стратегического пункта.

Для правильной оценки книги Пендлбери необходимо более подробно остановиться на одном из основных ее пороков. Речь идет о предлагаемом автором определении общественного строя древнего Крита. Безоговорочно следуя схеме истории древнего Средиземноморья, созданной «властителем дум» буржуазных историков Эд. Майером, он находит во всей истории Греции, предшествующей VII в. до н. э., в частности и на древнем Крите, феодальные отношения. Поэтому он говорит о «замках феодалов-разбойников на неприступных скалах Карфи, Кавуси, Врокастро и ущелья Закроса» (стр. 42—43) или о «феодальных замках», а на одном из персонажей, представленных на раскрашенных рельефах Кносского дворца, он устанавливает даже «минойский рыцарский знак отличия» (стр. 214). В советской историографии имели место в прошлом ожесточенные споры по вопросу о характеристике производственных отношений общества Крита так называемой минойской эпохи. Одни, как, например, погибший при блокаде Ленинграда Б. Л. Богаевский, утверждали, что минойский Крит представлял собой определенный этап развития позднего родового общества. Другие советские историки древнего мира — В. С. Сергеев, С. П. Толстов — усматривали в минойском обществе одну из разновидностей древневосточного рабовладельческого общества¹. К сожалению, они не пытались уточнить соответствующую ей стадию развития рабовладельческого общества древнего Востока.

Ключ к решению проблемы общественного строя древнего Крита содержится в бессмертном труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», несмотря на то, что книга эта была написана задолго до открытия Эванса (четвертое и последнее издание ее было опубликовано в 1891 г., т. е. лет за 10 до начала раскопок Эванса). Я имею в виду определенное указание Энгельса на характер общественного строя Аттики в эпоху, когда эта область материковой Греции, согласно древней традиции, была связана с минойским Критом. Оно дано в начале главы о возникновении афинского государства, где подробно излагается «приписываемая Тесею конституция». Столь пристальное внимание Энгельса к дошедшей до нас традиции о древней конституции Афин, восходящей еще к героической эпохе, резко отличается от пренебрежительного отношения буржуазной историографии к традиции о реформах Тесея, лишенной, по ее мнению, всякой исторической ценности. Основоположник концепции циклизма Эд. Майер высказал даже предположение, что припи-

¹ См. В Академии Наук СССР. Дискуссия об Эгейской культуре, Вестник древней истории, 1940, № 2, стр. 204—218.

сываемая Тесею конституция была создана в эпоху Писистрата¹. Поэтому буржуазные историки не считали нужным останавливаться на реформах Тесея². В противоположность им, Энгельс путем глубокого анализа сообщения Плутарха о конституции Тесея раскрыл «новые, незаметно развившиеся общественные элементы», которые являются следствием приписываемого Тесею нововведения, состоявшего в разделении всего народа, независимо от рода, фратрии или племени, на три класса: эвпатридов, или благородных, геоморов, или земледельцев, и демиургов, или ремесленников, и в предоставлении «благородным» исключительного права на замещение должностей. По мнению Энгельса, указанное разделение народа «показывает, что вошедшее в обычай замещение родовых должностей членами определенных семей превратилось уже в малооспариваемое право этих семей на занятие общественных должностей, что эти семьи, и без того могущественные благодаря своему богатству, начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс и что эти их притязания были освящены находившимся еще только в зародыше государством. Оно далее показывает, что разделение труда между крестьянами и ремесленниками упрочилось настолько, что умалило общественное значение прежнего деления на роды и племена. Оно, наконец, провозглашает непримиримое противоречие между родовым обществом и государством; первая попытка образования государства состоит в разрыве родовых связей путем разделения членов каждого рода на привилегированных и непривилегированных, а последних, в свою очередь, на два класса соответственно их промыслу, противопоставляя их, таким образом, один другому»³.

Я полагаю, что подобное безоговорочное признание великим соратником Маркса исторической ценности свидетельства Плутарха о древнейшей истории Афин может быть объяснено его знакомством с открытиями Шлимана, которые превратили легенды и сказки о седой старине в повествование, сохранившее подлинную традицию о событиях из истории микенского общества, столь близкого по своему характеру к критскому. Дело в том, что Шлиман уже в 1878 г. опубликовал результаты своих раскопок в Микенах, произведенных им в 1876 г. Стало быть, Энгельс имел возможность ими воспользоваться, когда он приступил к работе над завещанным ему его покойным другом К. Марком исследованием. Правда, в советской историографии было высказано предположение, что результаты раскопок Шлимана остались Энгельсу неизвестными, так

¹ Geschichte des Altertums, II Band, I Ausg., S. 775.

² См. хотя бы соответствующие разделы у Р. Пельмана, Очерк греческой истории и источниковедения, русский перевод СПб, 1911.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948 г., стр. 126.

как на первых порах ученые специалисты, не желавшие ломать привычных школьных взглядов, встретили их с большим недоверием; однако подобное предположение является явно необоснованным, так как Энгельс всегда был новатором во всех научных дисциплинах и никогда не останавливался перед решительным отказом от устаревших и обветшавших установок. Отражение открытий Шлимана в Микенах я и нахожу в использовании Энгельсом традиции о приписываемой Тесею конституции в качестве заслуживающего доверия исторического источника. Об этом свидетельствует вышеприведенный отрывок из труда Энгельса. Автор исследования «Происхождение семьи, частной собственности и государства» датировал первую попытку образования государства в Аттике уже «героической» эпохой. Так как развитие общества континентальной Греции несколько отстало по сравнению с Критом, мы с тем большим правом можем говорить о зарождении государства в минойском обществе.

К сожалению, при жизни Энгельса на месте древнего Кносса было найдено лишь несколько сосудов среди развалин большого античного здания. Уже после смерти Энгельса стали предметом изучения дворцы Крита, их богатая и разнообразная фресковая живопись и произведения минойского прикладного искусства — памятники, созданные культурой, не уступавшей, казалось, по мощи своего творчества культуре классической Греции.

Правда, сами по себе все эти прекрасные вещественные памятники древнего Крита не дают еще историку надежного основания для неоспоримых выводов о социально-экономическом строе создавшего их общества. Так, с одной стороны, согласно Б. Л. Богаевскому, план критских дворцов имеет много общего с планом так называемых больших домов в родовом обществе, с другой же стороны, обнаруженные в Кноссе подземные темницы в виде колодцев, а в иероглифическом письме — изображения ручных оков говорят о существовании одного из характерных элементов государства — тюрем. Вспомним, как В. И. Ленин определяет ту «силу», которая называется государством: она состоит, говорит он, в «особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее»¹. Один из решающих аргументов для решения спора о том, является ли критское общество родовым или уже раннеклассовым, надлежит искать в письменных памятниках Крита, в тех тысячах покрытых письменными знаками глиняных табличек, которые некогда наполняли архивы Кносса и Феста. Чешский ученый Б. Грозный, приступивший в последние годы к дешифровке критских письменных памятников, убедительно доказал, что многочисленные

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, 4-е изд., стр. 361.

приведенные им надписи греческого материка (из Фив, Элев-
сина, найденные в 1939 г. надписи из Пилоса в Мессении)
написаны не на греческом, а на критском языке, а из этого,
возможно, следует, что на материке Греции имелись много-
численные колонии критян. Путем анализа пиктографически
написанных документов хозяйственной отчетности, раскопан-
ных в архивах царских дворцов Крита, Грозный выявил на-
личие здесь хорошо организованного обширного царского хо-
зяйства. Последнее получало регулярные подати натурой и
металлическими слитками. Оно получало также дань и людь-
ми — мужчинами, женщинами и детьми. Мы находим, таким
образом, бесспорное свидетельство о существовании на Крите
элементов рабовладельческого хозяйства. После исследований
Грозного о догреческих надписях Крита мы уже не можем
определить минойское общество времени существования архи-
вов Кносса и Феста как общество первобытно-общинное.
Организация хозяйства, засвидетельствованная глиняными
табличками этих архивов, не могла, конечно, зародиться в
условиях первобытно-общинного строя, хотя бы и на стадии
разложения.

Само собой понятно, что критское общество II тысячеле-
тия до н. э. — это еще не развитое рабовладельческое обще-
ство, как, например, поздний Шумер с его чрезвычайно раз-
витым бюрократическим аппаратом, с его колоссальным раз-
махом и тонкостью бухгалтерского учета и расчета. Система
хозяйства, отраженная в документах хозяйственной отчетности
архивов Кносса и Феста, соответствует скорее всего хозяй-
ству, с которым мы сталкиваемся в табличках древнейшего
архива Урука, датируемых концом IV тысячелетия до н. э.
В их письме содержится много пиктографических элемен-
тов. Очевидно, на Крите II тысячелетия, как и в Шумере конца
IV тысячелетия до н. э., появляются примитивные государст-
венные образования, и тем самым первобытно-общинный строй
и здесь и там перерастает в примитивно рабовладельческий.

Данный вывод для Крита подкрепляется сделанным уже
давно наблюдением, что критские дворцы и поселения той эпо-
хи не были окружены стенами и не могли поэтому служить
местом убежища во время войны. В связи с этим любопыт-
ным фактом и было высказано предположение, что большая
часть Крита была в политическом отношении объединена, а
защита против угрозы со стороны моря обеспечивалась фло-
том, который вместе с тем содействовал широкому развитию
торговли, засвидетельствованному многочисленными археоло-
гическими данными как на самом Крите, так и вне его. На-
блюдение это, неоднократно делавшееся на основании
результатов раскопок на Крите, находит свое подтверждение
в последующей греческой традиции, несомненно, заслуживаю-
щей доверия.

Дело в том, что традиция о существовании на Крите в древнейшее время единого государства, которым управлял царь Минос, обладавший сильным флотом, сохранилась не только в греческом эпосе, но и в греческой историографии. Геродот называет Миноса «кносским» и причисляет его к «владыкам моря, предшествовавшим Поликрату, тирану Самоса» (III, 122). Согласно Геродоту, карийцы были подвластны Миносу; хотя они и не платили ему дани, но зато «поставляли экипаж для кораблей всякий раз, когда требовал того Минос. В то время как Минос покорил уже многие земли и прославился военными удачами, карийский народ был тоже знаменитым из народов». Из этого отрывка следует, повидимому, что Геродот не считал самого Миноса карийцем, а относил его к другому племени, которое подчинило себе карийцев. Фукидид, также повествуя о мощной державе Миноса, говорит не только о покорении карийцев, но даже и об изгнании их Миносом с островов греческого моря. В 4-й главе I книги труда Фукидида мы читаем: «Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладев большою частью моря, которое называется теперь Эллинским, достиг господства над Кикладскими островами и первый заселил большую часть их колониями, причем изгнал карийцев и посадил правителями собственных сыновей».

Подтверждение рассказа Фукидида о колониях, основанных Миносом, некоторые исследователи находят в том обстоятельстве, что в области древнего Средиземноморья имеется ряд городов с именем Миноя. Что же касается сообщения Геродота и Фукидида о пребывании в древнейшее время карийцев на островах Эгейского моря, то сам Фукидид подкрепляет это утверждение следующим весьма убедительным аргументом: «Ничуть не меньше занимались разбоем и островитяне, а именно карийцы и финикияне, заселившие большинство островов. Вот доказательство этого: когда афиняне во время этой (Пелопоннесской) войны очищали Делос и удалили все гробницы, бывшие на острове, то больше половины погребенных в них покойников оказалось карийцами; их признали по вооружению, положенному вместе с ними в могилы, и по способу погребения, существующему до сих пор. С образованием флота взаимные отношения на море усилились, потому что Минос очистил острова от разбойников и тогда же заселил большинство их колонистами» (Фукидид, I, 8, 1—2).

Сообщения Геродота и Фукидида о вытеснении карийцев греками с островов Эгейского моря находят свое подтверждение не только в свидетельстве «раскопок» афинян в эпоху Пелопоннесской войны, но также и в сообщениях египетских надписей и папирусов второй половины Нового царства, а также и Библии. Из названных источников мы узнаем о народе «сакара», который вместе с другими «народами моря»